

О ПРОИСХОЖДЕНИИ РАССКАЗА «НЕИЗВЕСТНЫЙ ДРУГ»

Сообщение Л. Н. Афонина

Бунин сам рассказал, как «совершенно неожиданно» возникли «Господин из Сан-Франциско», «Грамматика любви», «Легкое дыхание», «Темные аллеи», «Косцы»...¹ «Тяга писать,— говорил он,— появляется у меня всегда из чувства какого-то волнения, грустного или радостного чувства, чаще всего оно связано с какой-нибудь развернувшейся передо мной картиной, с каким-то отдельным человеческим образом, с человеческим чувством... И тут как-то сразу слышишь тот призывный звук, из которого и рождается все произведение...»²

Таким «призывным звуком» для Бунина, когда он писал рассказ «Неизвестный друг», несомненно, были его воспоминания о давней переписке с Наталией Петровной Эспозито, десять неопубликованных писем которой за 1901—1903 гг. хранятся в бунинском фонде ГМТ³. Что касается четырех или, возможно, пяти писем Бунина и книг с его автографами, которые он послал своей корреспондентке, то пока неизвестно, сохранились ли они. Однако содержание и характер их можно себе представить, основываясь на ответах Н. П. Эспозито.

Началась эта, быть может, самая романтическая в жизни Бунина переписка неожиданно. В сентябре 1901 г. он получил из Ирландии письмо, написанное по-русски. Писала незнакомая женщина, прочитавшая в журнале «Русская мысль» рассказы «Костер», «Перевал» и «В августе»⁴:

«St. Andrews, Ballsbridge. Dublin. Ирландия

Как видите, живу я далеко, далеко от вас, на самых западных пределах Европы и разделяют нас не только горы и реки, земли и моря, но вся наша прожитая жизнь, наша обстановка, наши вкусы и привычки; тем не менее слова, которые ваша рука набросала на листе бумаги, долетели до меня и запали мне в душу. Отчего? Кто знает! Быть может оттого, что и в моей жизни было много трудных и одиноких перевалов и самой не раз приходилось махнуть рукой на жизнь и говорить себе: «Будем брести, пока не свалимся. Дойдем — хорошо, не дойдем — все равно!»⁵ Быть может оттого, что и мне когда-то из мрака мелькнул на минуту заманчивый образ, и я прошла мимо и оставила счастье за собой! Пишу вам, потому что вы думаете и чувствуете, как и я. Я не обладаю талантом высказывать мои мысли красноречиво и изящно, как вы, но вы даже и плохо высказанное поймете и увидите сразу, что побудило мое письмо. Если не ошиблась, то вы мне ответите; если же нет... то во всяком случае примите мои благодарения за удовольствие, которое мне доставили «Три рассказа».

Наталя Эспозито.

12 сентября 1901 года».

Бунин откликнулся на это письмо, и 31 декабря 1901 г. Н. П. Эспозито ответила ему:

«Желаю вам счастья и благополучия на наступающий Новый год. Ваше письмо меня очень порадовало, оно именно такое, какого я от вас ожидала, хорошее и теплое, я о вас составила себе идеальное изображение, о котором, впрочем, напишу другой раз, если вам не скучно переписываться со мной. До сих пор еще не получила обещанной вами книги. Отчего? <...>

Скажите, заметно вам, что я пишу по-русски с затруднениями? С моими родственниками я переписываюсь редко, но о чем им писать, наша жизнь разошлась, и общих интересов нет; я единственная русская не только в Дублине, но и во всей Ирландии, так что говорить по-русски не с кем».

Затем Н. П. Эспозито подробно рассказала о себе. Она родилась в Петербурге. Ее отец — Петр Алексеевич Хлебников — профессор физики в Медико-хирургической академии, в 1870—1873 гг. редактор журнала «Знание». Когда ей исполнилось шесть лет, родители разошлись. Она осталась с отцом. В 1874 г. Хлебников тяжело заболел и, выйдя в отставку, с пятнадцатилетней дочерью уехал за границу. Жили в Германии, Швейцарии, Франции, Италии. «Говорю и пишу я на четырех языках, читаю на шести», — сообщала Наталья Петровна. Через четыре года после отъезда из России она в Париже вышла замуж за итальянца — композитора Микеле Эспозито (1855—1929) и несколько лет спустя вместе с ним поселилась в Дублине.

«Он профессор музыки в здешней консерватории, он также дирижирует здешним симфоническим оркестром, он тоже и музыку пишет — одним словом, он во главе музыкальной профессии в Дублине, вследствие чего мне приходится вести жизнь полусветскую, принимать и отдавать визиты, бывать на вечерах, обедах и т. п., что мне очень скучно. У меня четверо детей, две старшие дочери почти взрослые, пока они были маленькими, то я за ними неустанно ухаживала, теперь они подросли и во мне больше не нуждаются, так что на руках у меня много свободного времени, которое я провожу читая. Читаю я много, и думаю много, и пишу, но только для себя; друзей у меня нет, да и не может быть, я слишком различна от здешних дам, а что касается до мужчин, то я не верю в дружбу между мужчиной и женщиной. Разве только когда один на крайнем Востоке, а другая на крайнем Западе?.. В России я не была со времени моего замужества, но тем не менее я чисто русская по вкусам и по натуре, хотя и разучилась писать».

Посвятив Бунину в обстоятельства своей жизни, Н. П. Эспозито продолжала:

«Перейдем к более интересному предмету, то есть к вам. Кто вы? Из ваших трех рассказов я только могу себе составить понятие о вашей внутренней жизни, но о материальной ничего не знаю. Я каждый месяц с нетерпением жду «Русскую мысль», и с июля только и были в ней два стихотворения⁶ и ваши три рассказа. У вас много таланта и стиль такой красивый и простой. Кроме таланта, есть у вас душа, и сердце, и ум, и я вас так хорошо понимаю. Когда писатели пишут, знают ли они, что их слова западаются прямо в душу их читателей, как будто они прямо и исключительно для них писали? Так ваши три рассказа на меня произвели впечатление трех писем, писанных для меня только, на которые я вам ответила *plus ou moins mal**. <...>. Любите ли вы Гейне, Alfred de Musset, Шекспира? Хотите я вам вышлю английских книг, тех, ко торых я люблю, — читаете ли вы по-английски? Видите, сколько вопросов, не поленитесь, ответьте, и я вам буду писать об Ирландии и о книгах, которые я читаю, и о вас и обо всем, что наполняет нашу жизнь. Любите ли вы музыку? Много ли вы уже писали?»

В начале апреля 1902 г. Бунин прислал Наталье Петровне книгу своих рассказов⁷. Открытка с морским пейзажем («Portrush by Moonlight»)** содержит слова благодарности за эту посылку (6 апреля 1902 г.).

Месяц спустя, 10 мая, Наталья Петровна, получив от Бунина «записку», отправила ему большое письмо:

«Получили ли вы мою *carte illustrée*? Я была обрадована вашей книгой как знаком вашей памяти, а еще больше и самими рассказами, в которых узнаю самую себя и чувствую, что вы пережили то, что описываете, и что, несмотря на все горькие минуты, на разочарования и страдания, вы верите и в красоту, и в любовь, и в поэзию, которой полна наша жизнь, если только мы имеем дар ее видеть. Если вы в ваших рассказах

* более или менее скверно (франц.).

** «Портраш при лунном свете» (англ.).

откровенны, то я вас знаю хорошо, и вы мне нравитесь. Как-нибудь на днях соберусь с энергией и пойду к фотографу, а пока посылаю вам карточку с старомодными рукавами, снятую шесть лет тому назад⁸. За это время я мало изменилась, костюм и причёска другие, немного похудела и прибавилось седых волос, но ensemble * все тот же. Впрочем, по фотографии трудно судить о незнакомом человеке, нет игры воображения, нет улыбки, не слышно голоса, не видно цвета волос и глаз, поэтому я почти боюсь просить вас о вашем портрете, я составила себе о вас идеальное изображение, и будет грустно, если вы не такой, каким хотелось, чтобы вы были. Пожалуйста, ответьте на мое письмо скоро. Подумайте, как вы далеко и как долго наши письма идут от одного к другому, ведь это мое третье письмо к вам, а я от вас имею только несколько слов, а мне так хочется узнать вас поближе и прямо, не через посредство ваших сочинений. Мне хотелось бы вам писать много и часто обо всем, — как вы пишете ваши рассказы под влиянием лунной ночи, весеннего дня, бурного моря, прочитанной книги, хочу писать вам как бы для себя самой, вы меня не знаете и никогда не встретите, в мою жизнь вы никогда не войдете, и, следовательно, перед вами я могу быть, чем природа меня сделала, со всеми глупостями и мечтами и иллюзиями, и бояться мне вашего осуждения или доискиваться одобрения нечего, и будете вы для меня l'ami inconnu**. Хотите?»

Не дождавшись ответа, Н. П. Эспозито начинает рассказывать Бунину о своих переживаниях в душевных дневниковых записях:

«Вторник, 27 мая

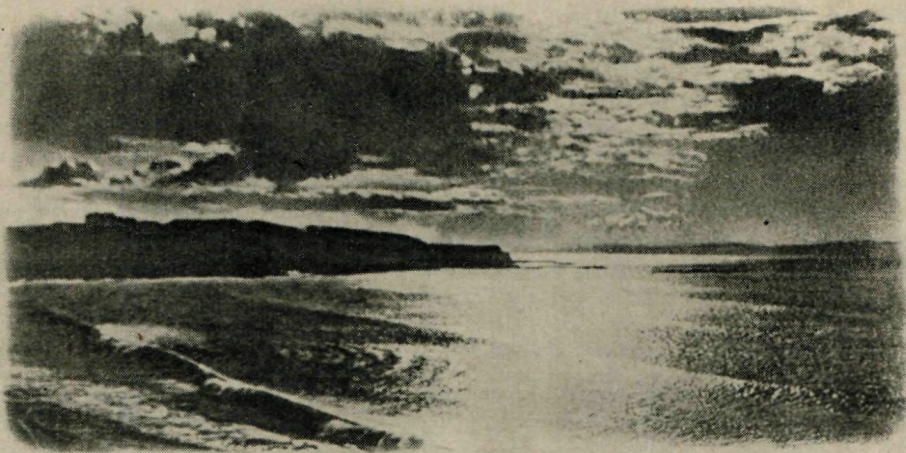
Отчего вы не пишете? Я нетерпелива и не люблю ждать, да и кроме того, по законам благососпитанности я не должна вам писать, пока не получу от вас ответа, а мне так хочется вам много, много писать. О чем? — спросите вы. Не знаю... О вас, обо мне, об Ирландии, о жизни, о звездах, о луне, о море, о книгах... Ведь весь свет так интересен и красив и так грустен, и мы его носим в себе, и мы такая крохотная часть его, а все-таки он наш, мы им обладаем и наслаждаемся им, хотя он нас может уничтожить в одно мгновение дуновением какого-нибудь из своих вулканов, хотя он вечен, а мы живем только день, все-таки он наш, а не мы его. Для нас лазурь неба и запах ландышей, украшающих мой письменный стол, для нас ласкающий шепот волн и величественные разливы грома, для нас лунная морозная ночь и жаркий июньский полдень. Да, жить хорошо, полной жизнью природы, чувствовать хотя бы и страданье, лишь бы только было

Много дум в голове,
Много в сердце огня...

В сущности, что такое страданье?.. Не служит ли страданье доказательством возможности счастья? А короткие минуты настоящего счастья — разве они не заслуживают быть куплены ценою слез и страданий? Конечно, жизнь полна разочарований — мы ожидали так много и получили так мало; но зато бывают минуты блаженства, которого даже наше воображение не в состоянии было создать, и след таких минут никогда не исчезает, и после них человек становится лучше и добрее, и для него мелочи жизни не имеют подавляющего действия; он стоит выше их. Если вы таких минут в вашей жизни не имели, то для вас не имеет смысла то, что я пишу, но если вы их испытали, то вы меня поймете. Я вам это письмо пошлю тотчас же по получении вашего ответа, и если мне его придется ждать так же долго, как последнего, то вы можете себе представить, каких оно достигнет размеров, так как буду писать вам часто. Отчего вам, а не кому-либо другому? Потому что перед друзьями и знакомыми носишь маску благоразумия и равнодушия и перед ними стыдно жаловаться и изливать душу — у них у самих душ нет; а перед вами не стыдно — вы в ваших рассказах свою душу всю показали, и как она мне симпатична и сродственна. Мне в особенности близки «Тишина»,

* Здесь: общий облик (франц.).

** неизвестный друг (франц.).

Много благодарю за Рассказы которые получила
сегодня утром. Мне радует то Вас не
забыли. Bien à vous. N. Esposito.

ИРЛАНДСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Открытка, отправленная Н. П. Эспозито Бунину 6 апреля 1902 г.:
«Много благодарю за „Рассказы“, которые получила сегодня утром.
Меня радует, что вы меня не забыли. Bien à vous. N. Esposito».

Музей И. С. Тургенева, Орел

«Туман», «Надежда», «Перевал», «Костер», «Новая дорога», «Осенью», потому что в них я вижу вас таким, какой я сама была, я сама передумала и перечувствовала то, что вы описываете. Я даже на Женевском озере в лодке каталась и сама гребла, как и вы⁹, я останавливалась и долго смотрела в синюю прозрачную глубину, отражающую глубину небес. Только я жила в восточном углу озера, где вода глубже, горы выше и Италия ближе. Ах, Italia! «Kennst du das Land, wo die Citronen blühen...»¹⁰; дело, вероятно, не в citron'ax, они цветут и в Ницце и в Monte Carlo, а в чем-то особенном, принадлежащем исключительно Италии. Сколько воспоминаний, желаний, сожалений связано с этим именем; я и по Неаполитанскому заливу каталась в лодке в чудную лунную ночь и думала и ждала чего-то, и теперь еще жду того же самого, хотя живу в стране, где природа не заманчива, где нет ни жаркого лета, ни морозной зимы, шесть месяцев здесь дождливая и теплая осень, а шесть других месяцев дождливая и прохладная весна, скучна и грустна вечно зеленая Ирландия <...>

Среда 28 мая

Знаете, какая мне вдруг мысль в голову пришла? Что если я вам буду писать много и часто, то я непременно буду повторяться <...> Как быть? Довольствоваться только ответом на ваши письма? Но мне нравится писать кому-нибудь, до сих пор я только писала для себя; а вот и у меня теперь есть читатель, и это меня радует. Хотела бы я писать, как вы, то есть красиво и вместе с тем ясно. Я могла бы вам рассказать про жизнь в Ирландии, про ее литературу, историю, могла бы вам описать дикую жизнь на скалистых западных островах, где по неделям бушующий океан прерывает всякое сообщение с остальным миром и где жители говорят по-кельтски и не умеют ни читать, ни писать, могла бы вам описать жизнь на торфяных болотах, где ничего не растет, кроме

картофеля. Мало ли о чем могла бы я рассказать, если бы был талант, да вот ничего я не умею делать, кроме того, что быть женщиной со всеми ее слабостями и недостатками. <...>

Четверг, 29 мая

Все еще нет письма от вас. Отчего? Каждое утро открываю почтовый ящик с надеждой, которая до сих пор остается напрасной. Разве вы не понимаете, что значит ждать письма? Я на вас сердита и хотела бы говорить вам неприятные вещи, но не имея ни малейшего понятия о ваших слабостях, не в состоянии угадать, что вас может рассердить, да и притом русским языком владею так плохо и имею столь небольшое количество слов в моем распоряжении, что, пожалуй, произвела бы совсем не тот результат, которого бы хотела. С 98 года я ни слова по-русски не говорила <...>

Воскресенье, 1 июня

Нынче 1 июня и какой ужасный осенний, холодный, грустный день. Вот уже третий день идет мелкий постоянный дождик, все небо обложено серыми тяжелыми облаками, ветер шумит в деревьях и качает их мокрые вершины. Где солнце? Где счастье? Мне тяжело на душе, хотелось бы закрыть глаза и заснуть и положить конец этому длинному, серому летнему дню. Где лето? Яркое, жгучее лето; где синее, глубокое море?.. Где воздух, пропитанный запахом апельсиновых цветов? Где молодость, надежды, желанья? Не тут! Здесь я сижу около затопленного камина и пишу, и жалуясь, и себя жалею. На то ли мне была дана и сила, и здоровье, и ум, и душа, чтобы здесь увядать вдаль от всего, что мне дорого... Я все забываю, что я больше себе не принадлежу и не имею права на свою личную жизнь. Со дня рождения моей старшей дочери я отказалась от моих собственных вкусов, желаний и счастья, все для нее и других детей. <...> А ведь все-таки без желаний жить нельзя, а пока чего-то и кого-то жаль, значит, что мы еще живы, а перестанем ждать... что останется?.. А дождик все падает, и небо все пасмурнее, и день все темнее; всего только три часа, а придется газ зажигать... Нынче к нам придут несколько гостей обедать, по воскресеньям у нас всегда гости, и как я их не люблю. Будут они про погоду говорить, про африканскую войну, про Мартиник, все будут высказывать свои мнения, вычитанные из последних журналов, и мне будет скучно, скучно».

2 июня записи прекратились. Н. П. Эспозито продолжила их лишь после того, как Бушн наконец прислал долгожданное письмо и сборники своих стихотворений:

«16 июля.

Только что получила ваше письмо, на него отвечаю на днях, а пока посылаю вам листы этого дневника, который прекратила больше месяца тому назад. <...>

Мерси за „Листопад“ и за „Новые стихотворения“. Не забывайте меня».

19 июля 1902 г. обозначено начало нового письма-дневника Н. П. Эспозито:

«Мой письма вам нравятся, я рада этому, я уже так давно ищу кого-нибудь, с кем могла бы меняться всем тем, что в душе моей происходит, и до сих пор никого у меня не было — я, как вы, одинока, — а теперь есть у меня вы, и писать вам громадное удовольствие. Ваши три рассказа, прочитанные мною почти год тому назад, произвели на меня сильное впечатление, — как вы уже знаете, — и причина этого впечатления как раз объясняется тем, что вы о себе пишете. Ваше постоянное стремление к чему-то недоступному и прекрасному, жажда к какому-то безграничному и неиспытанному счастью, ваше одиночество между людей, не понимающих ваших желаний, ваша грусть и печаль, произведенная недостатком свободы нравственной и моральной, невыносимое чувство зависимости от других людей и от обстоятельств, — все это мною было пережито и все это я каким-то инстинктом угадала и нашла в ваших рассказах. Я знаю, чего вы ищете в любви, и знаю, что вы этого никогда не найдете, так как никакая женщина в себе не может соединить тех качеств физических и душевных, которые удовлетворили бы

вполне вашим потребностям. <...> Вы живете чувством, а не чувствительностью, и для вас счастье бессмысленно, исключая короткие минуты, когда внешние условия гармонизируют с потребностями душевными... Все это выражено мною так неясно, что вы, пожалуй, и не поймете, что, собственно, я хочу сказать. <...> Вы жалеете о протекшей молодости, и вам всего 30 лет! Я много старше вас, а чувствую себя молодой и сильной, жизнь, люди по-прежнему меня интересуют, радость и горе меня волнуют так же сильно, как и в 20 лет. Иллюзий никаких я не потеряла, и я верю в счастье и любовь, несмотря на то, что их до сих пор не встретила, и хотя знаю, что для меня любовь и счастье невозможны, я все-таки живу надеждой и ожиданием и ловлю находку чудесные минуты, плачу за них дорого, но они того стоят, и утешаюсь мыслью, что к продолжительному счастью легко привыкнуть, и оно перестанет быть счастьем. Ваша молодость в ваших руках, от вас зависит удержать ее, если есть здоровье и работа. Работайте и любите, любите все — женщин и Россию, людей и животных, природу и мужиков — и добивайтесь взаимной любви, хорошо внушать любовь и сознавать свою силу; возбуждать ее по желанию, конечно, не всегда легко дается, но за то удовольствие победы!.. Бороться и достигать. Это же дает вам счастье, помогает жить. Вы молоды, жизнь в вас кипит ключом, не поддавайтесь унынию, увлекайтесь всем, хотя бы даже перепиской со мной, разве она вас не занимает?»

Продолжила этот дневник Наталья Петровна лишь в июле 1903 г. Восемь месяцев она ничего не писала Бунину, словно забыв о нем. Однако в апреле 1903 г. она посылает в Россию письмо, которое сама же называет «безумным»:

«Где вы? Что вы делаете? Принесли вам волны Черного моря ожидаемую Афродиту? Или вы все еще на берегу, протягивая руки к неуловимой любви? Не писала я вам, не знаю отчего, настоящей причины нет; но, может быть, оттого, что, во-первых, вы так неаккуратно отвечаете, что когда ваше письмо доходит до меня, то я уж не помню, что вам писала, а во-вторых, вам письма не легко даются, вы не умеете прямо о себе говорить кому-нибудь знакомому, вам легче обращаться к безликой публике, чем ко мне, которую вы знаете... Да, но знаете ли вы меня? О, я вот так знаю вас, и вы мне правитесь чрезвычайно, ваши рассказы и ваши стихи вас описывают, и я люблю вас; люблю вашу силу и вашу доброту, вашу нежность ко всем слабым и страждущим, вашу интеллектуальность и понимание всего красивого и хорошего и вашу сродность со мною; во многом мы чувствуем одинаково и — кто знает? — быть может, если бы мы встретились, то нашли бы друг в друге то, чего так тщетно искали в других... Да, будем любить друг друга, — за горами, за реками, за глубокими морями. Это будет безопасно и вместе с тем занимательно! Бесплотный союз двух сердец! <...> Ах, не медлите ответом, мне так грустно здесь, я так одинока, несмотря на любовь, которой я окружена, но что проку в ней, когда я сама любить не могу?»

Ответ на это письмо Наталья Петровна получила 28 июня. В тот же день она писала:

«Нет, я не сержусь ни за долгое молчание, ни за то, что вы похожи на Сенкевича; у него лицо хорошее, умное и грустное. Впрочем, начну с начала. Долго поджидала вашего письма — утром и вечером следила за приходом почтальона и просматривала письма сама; но вчера, одеваясь перед обедом (мы должны были провести вечер у знакомых), забыла о вас и о почте, так что когда сошла вниз, в столовую, то ваше письмо, лежащее у моего прибора, явилось сюрпризом, несмотря на постоянное ожидание. За обедом я его не открыла, но сложила в большой конверт и положила его в маленький мешочек, в котором вношу платок... Обед затянулся долго и когда, наконец, встала из-за стола, то надо было сейчас же отправляться в гости, и ваше письмо отправилось со мною и провело целый вечер в доме издателя здешней политической газеты «The Free-press Journal». Пили там скверный английский чай и много говорили обо всем на свете. <...> я больше молчала и слушала, а иногда даже не слушала, а открывала мешочек и смотрела на ваше письмо. Наконец, вернулись домой и разошлись по комнатам, я оста-

лась одна и вынула, наконец, ваше письмо, но и тут не сейчас же открыла, а дождалась, чтобы все в доме утихло и, когда ничего больше не было слышно, кроме ночной тишины, то открыла конверт и прочла письмо, долго сидела я после этого и думала... Вот и теперь сижу с пером в руке и думаю—опять солнечный день, опять бледно-голубое небо, а в саду цветут розы и гвоздика, из гостиной доносится меланхолический ноктюрн Chopin и как-то хорошо и грустно вместе. Нынче утром достала «Quo vadis?» и Байрона. «Quo vadis?» у меня в английском переводе с портретом Сенкевича; будет он у меня лежать на столе, пока ваша фотография не придет, жду с нетерпением. До вашего следующего письма перечитаю «Manfred'a» и «Cain'a», во дни моей юности очень я увлекалась Lucifer'ом¹¹. Вообще, мне все демоны нравились, знаете вы Мильтона? У него тоже хорошие дьяволы. Зачем вы переводите Байрона? Для удовольствия или по делу? Я буду заниматься вами, буду писать вам каждый день, буду читать, что читаете вы, но за то и вы пишете мне... Мы с вами будем друзьями, не правда ли?»

Через неделю, 4 июля, Н. П. Эспозито возвращается к своему почти год тому назад оставленному дневнику:

«Как видите, это письмо было начато около года тому назад и осталось почему-то неоконченным и не посланным, но я не уничтожила его, потому что всегда имела намерение продолжать переписку с вами. В апреле написала вам под влиянием чудного весеннего дня, который возбудил в душе нетерпимое желание поделиться с вами волнованными меня в ту пору чувствами. Вы для меня что-то особенное, новое, небывалое и вместе с тем бесконечно милое и родное... Отчего вы, а не кто-нибудь другой? Оттого что другой тут, около меня, и я слишком близко вижу слабость его физической и нравственной природы, а вы далеко, и я могу вас украсить всем тем, чего не нахожу в другом. Ах, как скучен тот, кто меня любит! Как он благоразумен и матерьялен, для него ни розы, ни солнце, ни море, ни луна ничего не значат, и я с ним какая рассудительная, с каким вниманием слушаю его политические рассуждения, его размышления о литературе, его мнения о людях и жизни, и он все говорит, и ему в голову не придет, что и у меня, быть может, есть что-нибудь сказать, но ведь если бы стала говорить я, то ему было бы скучно, и я бы ему надоела, а я вот не люблю надождать, поэтому и слушаю все; и меня за это и любят и находят умной женщиной. А, впрочем, быть любимой приятно; иногда и он замолчит, и у него сердце забьется и в глазах мелькнет любовь, и я знаю, что я ему дорога и что, когда я его оставляю, то ему будет больно. Как ему было бы больно, если б он знал, что у меня *есть далекий друг**, которому я пишу о нем хладнокровно, спокойно, без любви и с критической точки зрения... Нынче идет дождик и холодно, и вчера шел дождик, и завтра будет идти, и всегда, без конца, до самой смерти. Прочла „Манфреда“ и „Кайна“ и мне было приятно их читать, и во мне опять проснулась любовь к демонам, и я и лермонтовского прочла... Нравится ли вам „Воскресение“ Толстого? Меня оно очень интересует, но Толстой пишет не для меня, я ему бы не понравилась, я не похожа на его женщин, ни на Катюшу, ни на Анну и, в особенности не на Наташу. Я не могу понять, как это она превратилась в неряшливую толстую кормилицу своих детей. Можно любить, не превращаясь в корову.

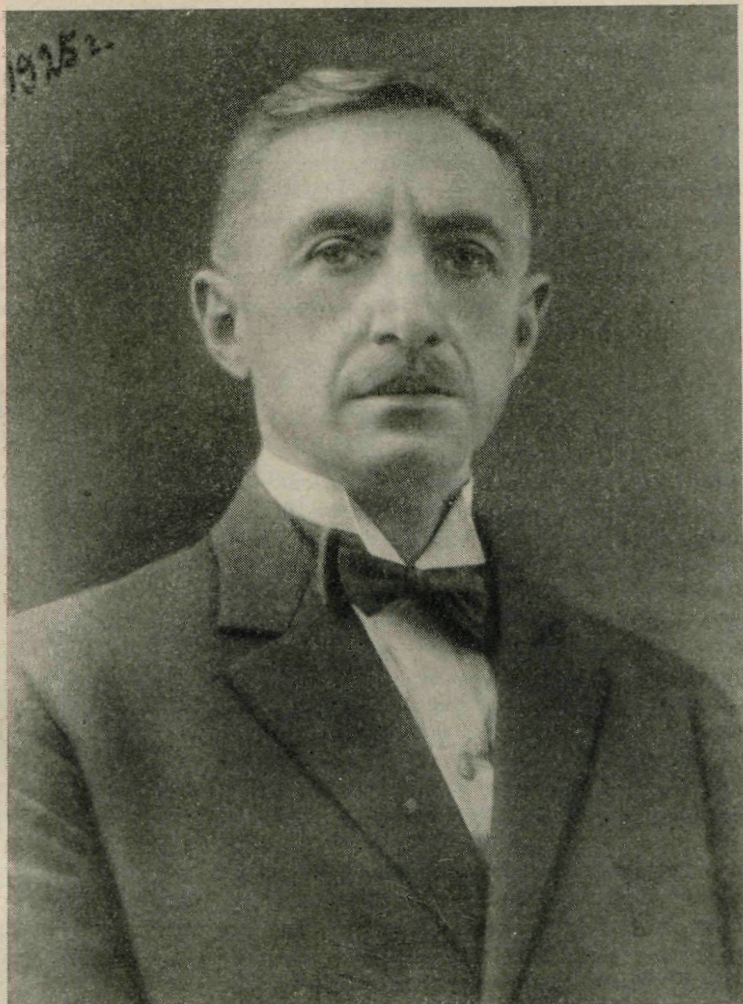
Прощайте, мой друг. Скоро опять напишу. Много о вас думаю и сочиняю романы. Написать вам их?

Votre amie ** Н. Э с п о з и т о.

Хотите ирландских легенд, историю Ирландии, ее литературу, предания, писателей, деятелей? Как-то трудно с вами расставаться, а однако пора — итак — adieu! Перечитала это длиннейшее письмо. Боже, как я повторяюсь, но в этом виноваты вы. Отчего вы мне не отвечаете скоро, — ведь не могу же я из года в год помнить, что я вам пишу. Вот уже почти два года, как я с вами познакомилась».

* Подчеркнуто Буниным. — Л. А.

** Ваш друг (франц.).

БУНИН

Фотография, Париж. С пометой Бунина: «1925 г.»

Парижский архив Бунина

9 июля Н. П. Эспозито пишет новое письмо:

«Безоблачная лунная ночь полна каким-то таинственным волшебством, проникающим в душу, как любовный нахиток. Этот бледный полусвет ложится, как ласка, на все, что он освещает; белые лилии блестят, как серебро, и их сладкий, опьяняющий запах вливается ко мне в комнату на лучах луны. Ночь спит, кругом все тихо, легкий ветерок слегка шевелит кисейные портьеры и приносит с поля свежий воздух, пропитанный запахом скошенного сена. Все спит, и как мне хорошо в этом молчании после шумного, многолюдного дня. Как мне хорошо, я с вами, я вижу вас, как вы являетесь в ваших рассказах, и выразительное лицо Сенкевича подходит к ним; да, я люблю вас, я говорю с вами так нежно и искренно, и вы слушаете меня, и вам не скучно; вам со мною не скучно, потому что я *та**, которую вы в жизни не нашли».

Через десять дней письмо было продолжено:

* Подчеркнуто Буниным. — Л. А.

«... Воздух теплый и в нем плавают запахи душистого горошка, небо голубое, кругом все тихо, и в сердце любовь... К кому, к чему, не знаю, но как-то радостно, и себя я чувствую молодой и сильной, впрочем, сознание силы меня редко покидает; даже в самые грустные минуты уверенность в себе остается непоколебимой. Я всегда знаю, чего хочу, и не щаю никаких усилий, чтобы добиться желаемого. Все это вам кажется хвастливым, пожалуй, вы правы, и я имею о себе слишком высокое мнение; не знаю, о себе трудно судить! — я не люблю ложной скромности. Но тоже не люблю и чрезмерного тщеславия. К чему я это вам пишу? Вам до всего этого дела нет. Кто я для вас? Я пишу не вам, а так, для себя и все о себе... Себя интересно анализировать и описывать такой, какой хотелось бы быть. Пошлю вам это письмо или нет? Да пускай себе идет в далекую Россию, каким оно вышло, со всеми повторениями, с противоречиями и ошибками против логики и русского языка».

25 июля Наталья Петровна получила фотографию и письмо Бунина. Прежде чем ответить на его вопросы, она подробно рассказала о своей неудавшейся семейной жизни, о романах, которыми она «завлекается»:

«Почему-то они у меня всегда выходят платоническими, быть может, оттого, что где-то во мне есть затаенное чувство добродетели, быть может, я действительно холодна, или не представилось удачного случая, или просто ни одного из моих героев я не любила достаточно. В сущности, адюльтер — вещь не артистическая, надо лгать, обманывать, бояться — все это мне не по душе, только сильная, страстная любовь может извинить обман и ложь, но когда ее нет, то уж лучше жить добродетельно, что я и делаю, несмотря на мои письма к вам и на визиты инженера. Как все это странно вышло: когда начала вам писать сегодня, то имела намерение ответить на ваши вопросы, а вместо этого написала вам то, что никогда никому не говорила. Я люблю вам писать именно потому, что следую моей фантазии, а не устроенному предвзвешенному плану».

Продолжение письма датировано 28 июля:

«Я рада, что вы мне написали, как проводите время. В настоящую минуту вы, как и я, сидите у стола и пишете. Я хочу знать больше о вас. Зачем вы о себе так мало пишете? Какой вы, что вы любите? Pierre Loti? Я его тоже люблю, хотя он все тот же самый; на днях получу «*Fantôme d'Orient*»¹², буду его читать и думать, что вы тоже его читали. Когда мне что-нибудь в нем особенно понравится, я отмечу и спрошу вас. Ах, зачем вы так далеко! <...> Нынче я пошлю вам письмо и примусь опять за мой дневник, который вы получите со временем. Я вам пишу очень много, скоро совсем испишусь и тогда расстанусь с вами навсегда. Ведь невозможно поддерживать такую переписку долго, вам наскучит, да и мне надоест <...>

Я была очень рада получить *carte postale*¹³, я вас теперь лучше знаю и несколько не обиделась за нее, я вообще обижаюсь мало, но сержусь часто на вас.

Нынче прелестный день, а вы сидите и переводите «Каина»; я вам не завидую. Философия и научные умозрения *Lucifer*'а сильно устарели, он совсем не оригинальный демон, но я и его любила в молодости, теперь предпочитаю Мефистофеля».

Это последнее письмо Натальи Петровны из тех, что сохранились в бунинском архиве. Ответил ли на него писатель? Продолжалась ли его переписка с ней после 1903 года? Пока нет никаких оснований сказать об этом утвердительно. Однако о письмах из Ирландии Бунин помнил и, возможно, не однажды перечитывал их, о чем свидетельствуют его пометы, сделанные, несомненно, в разное время чернилами и красным карандашом¹⁴.

И вот в 1923 г. события двадцатилетней давности ожили в рассказе «Неизвестный друг», впервые напечатанном в альманахе «Златоцвет» (Берлин, 1924)¹⁵.

Написанный в форме дневника «наеки» заброшенной судьбою в Ирландию русской женщины, которая, прочитав книгу живущего в России писателя, делится с ним своими переживаниями, рассказ этот не только восходит к бунинской переписке своей основной

ситуацией, но и воспроизводит ее многие детали. Самое название его «возникло» из писем Н. П. Эспозито. «L'ami inconnu» — «неизвестный друг», — так называла она Бунин. Перенесена в рассказ и стала его зачином посланная Бунину из Дублина «carte illustrée с таким печальным и величественным видом лунной ночи у берегов Атлантического океана» (стр. 89). Судьба героини рассказа не только напоминает биографию Н. П. Эспозито, но порою она даже и рассказывает о себе словами ирландской корреспондентки Бунина.

Вот, например, некоторые параллели между одним из писем Н. П. Эспозито и бунинским рассказом:

Письмо от 31 декабря 1901 г.

«Неизвестный друг»

«С моими родственниками я переписываюсь редко, не о чем им писать, наша жизнь разложилась и общих интересов нет (...) Мне приходится вести жизнь полусветскую, принимать и отдавать визиты, бывать на вечерах, обедах и т. п., что мне очень скучно. У меня четверо детей, две старшие дочери почти взрослые, пока они были маленькими, то я за ними неустанно ухаживала, теперь они подросли и во мне больше не нуждаются, так что на руках у меня много свободного времени, которое я провожу читая. Читаю я много, и думаю много, и пишу, но только для себя; друзей у меня нет, да и не может быть, я слишком различна от здешних дам, а что касается до мужчин, то я не верю в дружбу между женщиной и женщиной».

«Однако же довольно о себе писать... Перейдем к более интересному предмету, то есть к вам. Кто вы?.. Любите ли вы Гейне, Alfred de Musset, Шекспира?.. Любите ли вы музыку?»

«Сегодня у нас чудная погода, поэтому на душе легко и отрадно, и через открытое окно лучи солнца и теплый воздух напоминают о весне и даже о лете. Странный климат здесь в Ирландии! Летом холодно и дождливо, зимой тепло и дождливо, а от время до время выдаются такие чудесные дни, что не знаешь, зима или лето стоят на дворе».

В несколько измененном виде перешли из писем в рассказ воспоминания об Италии, строки о «самых западных берегах Европы» (у Н. П. Эспозито «самых западных пределах Европы»), о «диких и бедных островах» в Атлантическом океане и т. д. Приходит на память письмо Н. П. Эспозито от 1 июня 1902 г., когда в «Неизвестном друге» читаешь о предстоящем приеме гостей (стр. 96—97).

Порою приходится удивляться, с какой точностью и свежестью Бунин воспроизвел некоторые места из писем двадцатилетней давности, подлинники которых во время написания рассказа были писателю уже недоступны. Быть может, «Неизвестный друг» был начат еще в России, когда письма Н. П. Эспозито были у Бунина под рукою, а в 1923 г. рассказ получил окончательную редакцию?

«У меня трое детей, мальчик и две девочки (<...> Пока дети были маленькими, я за ними непрестанно ухаживала, разделяла с ними все их игры и занятия, но теперь они во мне больше не нуждаются, и у меня много свободного времени, которое я провожу в чтении. Родные мои далеко, наши жизни разошлись, и общих интересов у нас так мало, что мы даже переписываемся очень редко. В связи с положением моего мужа мне часто приходится бывать в обществе, принимать и отдавать визиты, бывать на вечерах и обедах. Но друзей и подруг у меня нет. На здешних дам я не похожа, а в дружбу между мужчиной и женщиной я не верю...» (стр. 94).

«Но довольно обо мне. Если ответите, скажите хоть что-нибудь о себе. Какой вы? Где постоянно живете? Любите ли вы Шекспира или Шелли, Гете или Данте, Бальзака или Флобера? Любите ли музыку и какую?» (стр. 94).

«Нынче дивный день, на душе у меня легко, окна открыты и солнце и теплый воздух напоминают о весне. Странный этот край! Летом дождливо и холодно, зимой — дождливо и тепло, но порою выпадают такие прекрасные дни, что не знаешь: зима это или итальянская весна?» (стр. 93).

Однако содержание «Неизвестного друга» нельзя, разумеется, свести лишь к воспоминаниям Бунина о его необычной переписке 1901—1903 гг. Отправляясь от реального, «невывдуманного», лично им самим пережитого факта, он создал произведение о трагически одиоком человеке, зов которого, «брошенный куда-то вдаль», так и не был услышан. История, рассказанная Буниным, словно конкретизирует строки тючевского «Silentium!»:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?

Обретая философско-этическое значение, действительные события в рассказе соответственно претерпевают изменения, смещаются, предельно уплотняются. Если дублинская переписка Бунина длилась почти два года, то свой «осенний» дневник героиня рассказа «Неизвестный друг» ведет всего лишь в течение месяца с небольшим, сделав за это время, однако, шестнадцать записей (иногда по две в день), которые почти все пронизаны страстной, иступленной, порою доходящей до галлюцинаций надеждой получить отклик на письмо:

«Письма от вас нет. Какое мучение! Такое мучение, что я иногда проклиная день и час, когда решила написать вам...

И хуже всего то, что из этого нет выхода. Сколько бы я ни уверяла себя, что письма не будет, что мне нечего ждать, я все-таки жду: кто же может поручиться, что его действительно не будет? Ах, если бы твердо знать, что вы не напишете! Я была бы и этим счастлива. Впрочем, нет, нет, надеяться все-таки лучше. Я надеюсь, я жду!» (стр. 94—95).

Однако письмо, в отличие от корреспонденции Н. П. Эспозито, остается безответным, что придает рассказу поистине трагическое звучание: «Письма, конечно, нет, нет и нет. И представьте себе: потому что нет этого письма, нет ответа от человека, которого я никогда не видала и не увижу, нет отклика на мой голос, брошенный куда-то вдаль, в свою мечту, у меня чувство страшного одиночества, страшной пустоты мира. Пустоты, пустоты!» (стр. 96).

Возникший внезапно порыв героини угасает, не найдя отзвука. Еще ужаснее теперь ее существование: «Со странным чувством, точно я кого-то потеряла,— опять остаюсь одна, со своим домом, близостью туманного океана, осенними и зимними буднями» (стр. 97).

Превосходно помня откровенные письма из Ирландии со всеми подробностями, Бунин, однако, в своем рассказе не приводит таких фактов, которые как-то могли бы снизить, приземлить, огрубить переживания героини, развеять романтическую дымку, окружающую ее очаровательный образ.

Рассказавший о происхождении многих своих произведений, Бунин промолчал о предыстории «Неизвестного друга». Может быть потому, что дорогой и светлой была для него тайна исповеди «ирландской незнакомки», благодарной памятью о которой продиктован бунинский рассказ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Происхождение моих рассказов». — Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 368—373.

² «Как я пишу». — Там же, стр. 374, 376.

³ ГМТ, № 3209/1—10. Далее при ссылках на эти письма в тексте указывается только их дата.

⁴ «Три рассказа. 1. Костер. 2. Перевал. 3. В августе». — «Русская мысль», 1901, № 8, стр. 141—150.

⁵ Из рассказа «Перевал». — Там же, стр. 146. Впоследствии вторую фразу Бунина из текста исключил (см. Собр. соч. 1965—1967, т. 2, стр. 9, 489).

⁶ «С кургана» («Дымится поле, рассвет белеет...») и «Метель» («Жесткой, черной листвою шелестит и трепещет кустарник...»). — «Русская мысль», 1901, № 8 и 11.

⁷ «Рассказы» (СПб., Изд. т-ва «Знание», 1902).

⁸ Эта фотография неизвестна.

⁹ Ср. рассказ «Тишина» (Собр. соч. 1965—1967, т. 2, стр. 236).

¹⁰ Первая строка стихотворения Гете «Миньона» («Знаешь ли ты край, где цветут лимоны...»).

¹¹ «Quo vadis?» (в русском переводе «Камо грядеши?») — роман Г. Сенкевича. «Манфред» и «Кави» — драматические мистерии Байрона, над переводами которых Бунин работал в 1901—1904 гг. (см. настоящ. кн., стр. 17—18); Люцифер — действующее лицо второй из них.

¹² «Призрак Востока» — роман Пьера Лоти.

¹³ Имеется в виду открытка с фотографией Бунина.

¹⁴ Кроме указанных выше подчеркиваний в тексте писем, Бунин сделал на многих письмах пометы: «Ireland» и проставил даты: «1901», «1902», «1903».

¹⁵ Собр. соч. 1965—1967, т. 5, стр. 89—98. Далее при ссылках на этот рассказ в тексте указываются только страницы.